

18+Оксана Насонова

*Простые
рассказы.
«Торфушка»*

Оксана Насонова

Простые рассказы. «Торфушка»

«Издательские решения»

Насонова О. А.

Простые рассказы. «Торфушка» / О. А. Насонова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-699614-4

Это история Катеньки — девушки, прошедшей через тяжёлый труд, войну и одиночество, чтобы остаться человеком. От работ на торфоразработках до побега сквозь болота, от утраты подруг до встречи с таинственным Лесником, спасшим её ценой своей жизни — каждый шаг стал испытанием на выживание и милосердие. Рассказ о тех, кого не вспоминают в парадах, но чей труд держал всю страну. О женской стойкости, что не гаснет с годами. История простых людей, ставших великими в самый тяжёлый час.

ISBN 978-5-00-699614-4

© Насонова О. А.
© Издательские решения

Содержание

1. Утро у калитки	6
2. Дорога в неизвестность	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Простые рассказы. «Торфушка»

Оксана Александровна Насонова

© Оксана Александровна Насонова, 2026

ISBN 978-5-0069-9614-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Утро у калитки

Солнце ещё только коснулось края леса, а Никифор, отец Катеньки, уже стоял у калитки с сохой на плече. Его тень, длинная и скошенная, ложилась на пыльную дорогу, будто первая борозда нового дня. В селе Есипово не было будильников — только скрип ворот, лай пса за сараем и глухой скрежет железа, когда плуг впервые врезался в землю. Этот звук и был началом утра.

Катенька жила в крайней избе на опушке, где за домом сразу начинался бор — высокий, тихий, будто дышал вместе с деревней. Дом был маленький, с покосившимся крылечком и крышей, поросшей мхом и лишайником. Но в нём было тепло. Не потому, что печка жарко пылала — дров часто не хватало, особенно зимой, — а потому что здесь смеялись. Смех не уходил даже тогда, когда в котле кипела вода с луковой шелухой вместо супа.

Никифор работал в колхозе — с утра до вечера на общей земле. Он пахал, сеял, косил, знал каждую пядь нивы, как знает мать лицо своего ребёнка. Но денег за труд почти не платили. Иногда — картошка, иногда — мешок муки, а чаще — просто запись в талоне: «отработано». Хлеб делили по нормам, сахар — по карточкам, а сапоги штопали третий год подряд.

Мать, Полина, хлопотала по дому с рассвета до заката. Пока Никифор точил лемех на камне, она уже месила тесто в большой чашке, поглядывая на печь, где томился горшок с кашей. На столе — кружка с молоком, если корова Машка не подвела, и хлеб, испечённый с прошлого вечера, с хрустящей корочкой.

— Вставай, Катюня, — говорила она тихо. — День глядит в окошко, а ты всё спишь.

Катенька ворочалась в старом одеяле, но улыбалась. Она любила это утро — запах дыма из трубы, кудахтанье кур за сеньями, шуршание метлы по земляному полу.

— Батя уже ушёл?

— Ушёл. Земля не дожждётся, а ты — нет?

Она вставала, натягивала платье, заштопанное по швам, заплетала косу — торопясь, кое-как. Потом бежала к колодцу. Ведро скрипело, цепь дрожала, но вода была ледяная, чистая, как слеза.

Родители Катеньки жили по труду. Никифор знал, когда сеять овёс, как уберечь урожай от града, как заговорить скот, чтобы не болел. Полина лечила соседей от кашля мать-и-мачехой и мёдом, ткала грубую ткань на старом станке, варила щи из капусты и картошки. У них не было радио, как у Степаныча, не было башмаков с каблуками, но была чашка чая по воскресеньям, была песня за ужином и были руки — грубые, в мозолях, но добрые.

— Люди живут не деньгами, — говорил Никифор, — а правдой. Да верой в завтрашний день.

Катенька слушала. И впитывала.

Иногда, когда он сидел на завалинке, куря самокрутку из газеты, она подсаживалась рядом.

— Батя, а Ленинград далеко?

— Далеко, дочь. За сотню вёрст. Да и не просто так туда — поезд, билет, люди.

— А там тоже пахут?

— Там — по-другому. Люди в фабриках. Но и там земля нужна. Без земли — никуда.

Она смотрела на поля, тянущиеся до самого горизонта, и думала: «А вдруг и я когда-нибудь уеду?»

Но вслух не говорила. Потому что знала: пока родители живы, её место — здесь.

А пока — вставать. День не ждёт.

И Катенька бежала за ведром, за косой, за корзиной.

Жизнь шла. Медленно. Тяжело. Но — вместе.

И в этом была её сила.

Катенька росла тихой, но не молчаливой. Глаза — серые, как утренний туман над рекой, а руки — уже крепкие, привыкшие к работе. В школу ходила только четыре года — дальше в Есипове не было, а в районный центр не возили: «На кой тебе учёба? Девка всё одно за мужем пойдёт». Она не обижалась. Но запомнила. И с тех пор знала: если хочешь изменить свою жизнь — учись сама.

Но больше всего она видела, как женщины к старости сгибаются под тяжестью лет и труда. Как молодые девчонки выходят замуж в шестнадцать, рожают, сохнут за год. Как мужики пьют, когда урожай плохой, и бьют жен.

Она не боялась работы. Но мечтала о труде, после которого остаётся не пустота, а *гордость*. О жизни, где есть выбор. О месте, где её спросят: «Что ты думаешь?» — а не скажут: «Иди, девка, в огород».

Однажды в село приехали женщины с Ленинградской области. Они работали на торфяных разработках и приезжали домой на побывку. Привезли с собой отрезы ткани — яркие, с узорами, как с картинки. Платки, шали, ленты. Говорили, что всё это выдавали на работе — не за деньги, но как часть обеспечения.

— Это не магазин, — сказала одна, расстилая на прилавке кусок шёлка. — Это — плата за труд.

Женщины продавали товары в селе. За картошку, за молоко, за шерсть. Катенька стояла рядом, не решаясь дотронуться, но глаза не отводила.

«Там, в городе, платят не деньгами, а возможностями», — подумала она.

С тех пор мысль о Ленинградской области не отпускала.

Весной 1941 года по деревне поползли слухи: на торфяники снова набирают. Девушкам — от 18 до 25. Проезд, питание, заработная плата.

— Да кто ж туда поедет? — сказала бабка Уля. — Там война на подходе.

— А я поеду, — тихо сказала Катенька.

Все замолчали.

— Ты с ума сошла? — спросила мать.

— Нет. Я хочу помочь вам. И себе. Хочу жить не так, как все.

Никифор долго молчал. Потом кивнул:

— Ступай. Только помни: каким бы ни был путь — не теряй себя.

Через неделю Катенька стояла на перроне с узелком в руках. Поезд гудел, дым стелился над деревней. Она оглянулась — родители стояли у края платформы. Никифор молчал. Полина крестила дочь. Катенька не плакала. Она смотрела вперёд. Туда, где начиналась дорога. Туда, где — жизнь.

2. Дорога в неизвестность

Поезд шёл трое суток, ломая время на куски: днём — жара, ночью — холод, а между — бесконечные остановки на пустынных станциях, где никто не садился, и никто не выходил. Вагон был переполнен. Люди сидели на багажных полках, спали прямо на полу, обнимая узелки с домашним хлебом и сменной рубахой.

Катенька ютилась в углу, прижавшись спиной к чугунной печке, уже холодной. Через грязное окно мелькали поля, леса, деревеньки с покосившимися избами — всё дальше и дальше от Есипова. Она не спала. Смотрела вперёд, в темноту, и думала: «Теперь назад — только по той же дороге. А я не хочу назад».

К третьему дню голоса стали тише, лица — серее. Кто-то кашлял, кто-то плакал в голос, кто-то просто молчал, глядя в потолок. Но Катенька держалась. Она вспоминала слова отца: «Не теряй себя». И не теряла. Даже когда хлеба осталось на полдня, а вода — на глоток.

Когда поезд наконец остановился, за окнами была не станция, а поле — бескрайнее, топкое, с редкими соснами и длинными рядами бараков, похожих на гнилые зубы. Над воротами — табличка: «Лагерь „Ленгосторф“, 12-й участок». Ветер бил в лицо, влажный и резкий, пахнувший болотом и дымом.

— Выходим быстро! Не стопоримся! — крикнул строгий мужчина, стуча палкой в дверь вагона.

Они торопливо выходили из вагона — девушки, парни, пожилые мужчины. Все — с узлами, все — с надеждой и страхом в глазах.

Первое, что бросилось в глаза — грязь. Не просто пыль или слякоть, а настоящая болотная жижа, в которой увязали сапоги. Дорожки между бараками были усыпаны щепками и гнилыми досками. Бараки — длинные, низкие, крытые шифером, из которого торчали ржавые гвозди. Внутри — нары из неструганых досок, по восемь человек на сторону. Оконца — маленькие, с замазанными трещинами. Запах — смесь сырости, немытого тела, дёгтя и чего-то кислого, будто земля сама гниёт под ногами.

Режим был строгим. Подъём — в пять утра, перекличка, построение. Завтрак — чашка баланды, кусок хлеба. В течение дня каша или овощи. Всё скромно, без излишеств. Потом трудная смена — на торфяной массив. Там, в болоте, стояли машины — гигантские, ржавые, с лопастями, что ковыряли землю, как когти. Но большинство работало вручную: лопатами, тачками, ломami.

Катенька в первый день едва держалась на ногах. Руки тряслись, спина горела, а ноги, провалившиеся в топь, отказывались слушаться. Холод проникал сквозь одежду, даже когда солнце выглянуло.

— Ты как? — спросила девушка с косой, стоявшей ей в соседке по нарам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.